

- [Роберт ГОВАРД](#)
 - [1. ЧУДОВИЩЕ В ТЕМНОТЕ](#)
 - [2. НЕВИДИМЫЙ УЖАС](#)
 - [3. ЕДЕТ ТАНАНДА](#)
 - [4. ЗОЛОТАЯ РАБЫНЯ](#)
 - [5. ИЗБИЕНИЕ ТАНАНДЫ](#)
 - [6. ТЕМНОЕ СОВЕЩАНИЕ](#)
 - [7. СУДЬБА КОРОЛЕВСТВА](#)
-

Роберт ГОВАРД

МОРДА В ТЕМНОТЕ

Продолжая свой путь на север, теперь ускорившийся благодаря лошади, Конан наконец достиг полуцивилизованного королевства Куш. Это страна, которую правильно называют «Куш», хотя Конан, как и другие северяне, обычно использует это название свободно, подразумевая любую из населенных неграми стран к югу от стигийских пустынь. Здесь ему вскоре предоставляется возможность продемонстрировать свое мастерство во владении оружием.

1. ЧУДОВИЩЕ В ТЕМНОТЕ

Амбула из Куша просыпался медленно. Чувства все еще были заторможены от вина, которое он выпил во время пиршества прошлой ночью. Некоторое время, пока он все еще был одурманенный, он не мог вспомнить где находится. Лунный свет, который лился потоком через зарешеченное окошко, расположенное высоко на одной из стен, освещал незнакомое окружение. Потом он вспомнил, что лежит в верхней камере тюрьмы, куда его бросила Королева Тананда.

Он подозревал, что в его вино было подмешано зелье. Пока он беспомощно распростерся, едва осознавая что происходит вокруг, два черных великаны из охраны королевы схватили его и Лорда Аахмеса, двоюродного брата королевы, и затолкали их в камеры. Последним, что он помнил, была короткая фраза королевы, прозвучавшая как удар хлыста:

— Ну так что, мерзавцы, будете устраивать заговор, чтобы сбросить меня? Узнаете, что ожидает изменников!

Когда огромный черный воин пошевелился, по звону металла он понял, что его запястья и лодыжки в оковах, присоединенных цепями к массивным железным скобам, вмонтированным в стену. Он напряг глаза, чтобы всмотреться в вонючий сумрак вокруг него. По крайней мере, подумал он, он все еще жив. Даже Тананда должна была дважды подумать убивать ли ей командира Черных Копьеносцев — костяка кушитской армии и героя нижних каст королевства.

Что озадачивало Амбулу больше всего, так это обвинение в заговоре Аахмеса. Конечно, они были с князем хорошими друзьями. Они вместе охотились, выпивали и развлекались, и Аахмес по секрету жаловался Амбуле на королеву, жестокое сердце которое было настолько же хитрым и коварным, насколько ее смуглое тело было привлекательным. Но дело никогда не доходило до настоящего заговора. В любом случае, Аахмес не был человеком, способным на такое — он был добродушным, общительным молодым человеком, не питающим интереса к политике и власти. Должно быть, какой-то доносчик, который хочет достичь своих целей за счет других, подсунул королеве ложные обвинения.

Амбула осмотрел свои оковы. Несмотря на всю свою силу, он знал, что не сможет разорвать ни их, ни даже цепи, на которых они держались. Не мог он надеяться и на то, что вытащит скобы из стены. Он знал об этом, потому что сам наблюдал за их установкой.

Он знал что последует дальше. Королева будет пытать его и Аахмеса, чтобы вытянуть из них подробности заговора и имена сообщников. Несмотря на всю варварскую храбрость Амбулы, его страшила такая перспектива. Возможно больше всего ему стоило надеяться на то, что если он обвинит всю знать Куша в соучастии, Тананда не сможет наказать всех. Если бы она попыталась это сделать, то воображаемый заговор очень скоро стал бы реальностью...

Внезапно Амбула похолодел. Леденящее чувство пробежало у него по спине. Он что-то ощутил в комнате рядом с собой — чье-то живое, дышащее присутствие.

С глухим криком он вздрогнул и стал озираться, вглядываясь в темноту, которая окружила его как тенистые крылья смерти. В слабом свете, который проходил через зарешеченное окошко, офицер смог разглядеть только страшную, наводящую ужас фигуру. Ледяная рука сжала его сердце, которое после множества сражений до последнего часа не знало страха.

Бесформенный серый туман висел во мраке. Бурлящие пары вращались как гнездо свернувшихся змей и из них стала обретать плоть призрачная фигура. Леденящий ужас лег на перекошенные губы Амбулы и засветился в его вращающихся глазах, когда он увидел, что это что-то медленно сгущается прямо из чистого воздуха.

Сначала он увидел свиноподобное рыло, покрытое жесткой щетиной и появившееся в столбе тусклого света, проходившего через окно. Потом из теней вырисовалась неуклюжая фигура — нечто огромное, бесформенное и животное, — которая тем не менее стояла вертикально. К свиной голове теперь добавились толстые волосатые руки, заканчивающиеся недоразвитыми кистями, как у бабуина.

Издав пронзительный вопль, Амбула вскочил на ноги, и тогда неподвижное нечто начало двигаться с парализующей скоростью чудовища из кошмара. Черный воин успел одним безумным взглядом увидеть чавкающие, истекающие пеной челюсти, большие клыки, похожие на резцы, маленькие свиные глазки, сверкающие кровавой яростью в темноте. Потом грубые лапы вцепились в его плоть мертвой хваткой, а клыки стали рвать и резать его...

И вот лунный свет упал на черную фигуру, распростертую на полу в расплывающейся луже крови. Сероватое, волочащее ноги чудовище, которое за секунду до этого терзало черного воина, исчезло, растворившись в неосязаемом тумане, из которого оно появилось.

2. НЕВИДИМЫЙ УЖАС

— Тутмес! — Голос был настойчив, как был настойчив и кулак, барабанивший в тиковую дверь дома одного из самых честолюбивых дворян Куша. — Господин Тутмес! Впустите меня! Дьявол снова на свободе!

Дверь открылась и в дверном проеме стоял Тутмес — высокая, стройная, аристократическая фигура с тонким лицом и смуглой кожей, характерной для его касты. Он был завернут в одеяды из белого шелка, как если бы готовился ко сну, и держал в руке небольшую бронзовую лампу.

— Что случилось, Афари? — спросил он.

Пришедший, сверкая белками глаз, ворвался в комнату. Он дышал тяжело, как после продолжительного бега. Это был долговязый сухопарый темнокожий человек в белой джууббе [длинная мужская или женская одежда типа халата с длинными рукавами; принята в мусульманских странах], ростом ниже Тутмеса и с более ярко выраженными чертами своих предков-негров. Несмотря на всю поспешность, он позаботился прикрыть дверь прежде чем ответил.

— Амбула! Он мертв! В Красной Башне!

— Что? — воскликнул Тутмес. — Тананда осмелилась казнить командира Черных Копий?

— Нет, нет, нет! Она бы не сделала такую глупость, конечно. Его не казнили, а убили. Что-то проникло в его камеру — каким образом — только Сет знает — и вырвало ему горло, проломало ребра и раскроило череп. Клянусь змеиными волосами Деркето, я видел много мертвых, но ни к одному из них смерть не была так немилосердна как к Амбуле. Тутмес, это работа демона, о котором поговаривают черные люди! Невидимый ужас снова на свободе в Мероэ! — Афари сжал в руке маленького глиняного божка — его хранителя, который висел на ремешке на его тощей шее. — Горло Амбулы было прокущено, а следы зубов не похожи ни на львийные, ни на обезьяньи. Эти следы такие, как будто нанесены острыми как бритва резцами!

— Когда это произошло?

— Где-то около полуночи. Охранники в нижней части башни смотрели за лестницей, которая ведет к камере, в которой он был заточен, как вдруг услышали его крик. Они бросились вверх по лестнице, ворвались в камеру и нашли его лежащим как я уже рассказывал. Я спал в нижней части

башни, как Вы мне приказали. Увидев что произошло я пошел прямо сюда, приказав охранникам никому ничего не говорить.

Тутмес улыбнулся холодной бесчувственной улыбкой, которую неприятно было наблюдать. Он пробормотал:

— Вы знаете сумасшедшую ярость Тананды. Бросив Амбулу и своего двоюродного брата Аахмеса в тюрьму, она могла точно так же убить Амбулу и обезобразить труп, чтобы он выглядел как работа чудовища, которое давно обитает в этих краях. Могла ведь?

Понимание озарило глаза министра. Тутмес, взяв Афари за руку, продолжал:

— Идите теперь и нанесите удар до того как королева узнала об этом. Сначала возьмите отряд черных копьеносцев и убейте охранников в Красной Башне за то, что они спят на посту. Постарайтесь сделать так, чтобы все знали, что это сделано по моему приказу. Это продемонстрирует черным, что я отомстил за их командира и забрал оружие из рук Тананды. Убейте их, пока это не успела сделать она.

Затем сообщите другим знатным вождям. Если Тананда будет обращаться таким образом с сильными ее королевства, то нам всем лучше быть начеку.

Затем отправляйтесь во Внешний Город и найдите там старого Эджира, знахаря. Не говорите ему напрямик, что Тананда вызвала это происшествие, но намекните на это.

Афари вздрогнул.

— Как может обычный человек обмануть этого дьявола? У него глаза как угли костра; кажется, что они глядят в невероятные глубины. Я видел, как он заставлял трупы вставать и идти, а черепа чавкать и тереть своими лишенными плоти челюстями.

— Не надо обманывать, — ответил Тутмес. — Просто намекните ему о своих подозрениях. В конце концов, даже если какой-то демон и убил Амбулу, его из ночи вызвал какой-то человек. В конце концов за этим действительно может стоять Тананда. Ну идите же скорее!

Когда Афари ушел, напряженно обдумывая поручения своего патрона, Тутмес мгновение еще стоял посреди своей комнаты, увешанной гобеленами варварского великолепия. Голубой дым сочился из куполообразной курильницы, сделанной из пробивной латуни и стоявшей в углу. Тутмес позвал:

— Муру!

Босые ноги зашаркали по полу. Занавес, сделанный из глухой темно-красной ткани и висевший на одной из стен, откинулся и невероятного

роста худой человек высунул голову из-под косяка потайной двери и вошел в комнату.

— Я здесь, хозяин, — сказал он.

На человеке, который возвышался даже над высоким Тутмесом, было большое алое одеяние, свисавшее как тогда с одного плеча. Хотя его кожа была черной как смола, лицо его имело тонкие орлиные черты, как у представителей правящей касты Мероэ. Похожие на шерсть волосы были уложены на его голове в фантастическую заостренную прическу.

— Оно вернулось в свою клетку? — спросил Тутмес.

— Да.

— Никто ничего не заметил?

— Да, мой господин.

Тутмес помрачнел.

— Как ты можешь быть уверен что оно всегда будет выполнять твои команды и потом возвращаться к тебе? Как ты можешь знать, что однажды, когда ты выпустишь его, оно не убьет тебя и не убежит в то дьявольское измерение, которое считает своим домом?

Муру развел руками.

— Заклинания, которые я узнал от своего хозяина, высланного стигийского колдуна, для управления демоном, всегда срабатывали.

Тутмес пронизывающе посмотрел на колдуна.

— Мне кажется, что вы, волшебники, большую часть жизни проводите в изгнании. Откуда мне знать, может, какой-нибудь враг подкупит тебя, чтобы ты однажды натравил чудовище на меня?

— О, хозяин, не надо так думать! Без Вашей защиты куда бы я пошел? Кушиты презирают меня за то, что я не их расы; а по известным Вам причинам я не могу вернуться в Кордофу.

— Хм. Ладно, хорошо позаботиться о демоне, потому что скоро он нам еще понадобится. Этот болтливый дурак Афари ничто так не любит, как выглядеть мудрым в глазах других. Он передаст рассказ об убийстве Амбулы, приукрашенный моими намеками о роли королевы, сотням ждущих ушей. Разрыв между Танандой и ее двором увеличится, а я пожну плоды.

Посмеиваясь от редкого для него хорошего настроения, Тутмес плеснул вина в две серебряных чаши и дал одну из них тощему колдуну, который принял ее с молчаливым поклоном. Тутмес продолжал:

— Конечно, он не упомянет, что начал всю эту шараду с ложных обвинений против Амбулы и Аахмеса — без моих приказов тоже. Он об этом не знает, благодаря твоему колдовскому опыту, дружище Муру, а я

знаю об этом все. Он делает вид будто предан моему делу и моей фракции, но тут же продаст нас, если узнает, что сможет получить от этого выгоду. Его конечная претензия — это жениться на Тананде и править Кушем в качестве супруга королевы. Когда я стану королем, мне понадобится более достойный инструмент, чем Афари.

Потягивая вино, Тутмес размышлял: «Еще с тех времен, когда последний король, брат Тананды, погиб в битве со стигийцами, она небезопасно уцепилась за трон слоновой кости, играя одной фракцией против другой. Но ей не хватает характера, чтобы удерживать власть в стране, традиция которой не позволяет править женщинам. Она опрометчива, импульсивна и своенравна и единственный способ, который она знает для удержания власти,

— это убить того, кого она опасается в данный момент, каким бы знатным он ни был, вызвав тем самым тревогу и вражду среди остальных.»

— Постарайся тщательно проследить за Афари, о Муру. И крепко держи своего демона в узде. Нам снова понадобится это создание.

Когда кордофец ушел, еще раз пригнув голову, чтобы пройти в дверь, Тутмес поднялся по лестнице из полированного красного дерева. Он вышел на плоскую, освещенную луной крышу своего дворца.

Глядя через парапет, он увидел внизу перед собой тихие улицы Внутреннего Города Мероэ. Он увидел дворцы, сады и большую внутреннюю площадь, на которую в одно мгновение могла въехать тысяча черных всадников из дворов прилегающих бараков.

Глядя дальше, он видел большие медные ворота Внутреннего Города, а за ними — Внешний Город. Мероэ находился посреди большой равнины, покрытой холмистыми лугами, которая простиравась, лишь изредка прерываемая низкими горками, до горизонта. Узкая река, извивающаяся в лугах, касалась разбросанных окраин Внешнего Города.

Массивная высокая стена, которая окружала дворцы правящей касты, разделяла Внешний и Внутренний Город. Правители были потомками стигийцев, которые сотни лет назад пришли с севера, чтобы основать империю и смешать свою гордую кровь с кровью своих черных подчиненных. Внутренний Город был хорошо спланирован, в нем были правильно расположенные улицы, площади, каменные дома и сады.

Внешний Город, напротив, был расположившейся дикостью глиняных хижин. Его улицы в беспорядке вели к нерегулярным открытым пространствам. Черный народ Куша, коренные жители этой страны, жил во Внешнем Городе. Во Внутреннем Городе жила только правящая каста, за исключением слуг и черных всадников, которые использовались как

охрана.

Тутмес посмотрел сверху на это широкое поле хижин. На шумных площадях светились костры; факелы раскачивались вперед-назад на разбегающихся улицах. Время от времени до него доносился обрывок песни, варварского тренъканья, в котором слышались злоба и кровожадность. Тутмес плотнее завернулся в свою накидку и задрожал.

Проходя по крыше, он остановился, увидев фигуру, спящую под пальмой в искусственном саду. Потревоженный пальцем ноги Тутмеса, человек проснулся и вскочил.

— Не надо ничего говорить, — предупредил Тутмес. — Дело сделано. Амбула мертв и до рассвета весь Мероэ будет знать, что его убила Тананда.

— А... дьявол? — прошептал человек с дрожью.

— Снова заперт в своей клетке. Послушай, Шубба, тебе пора идти. Найди среди Шемитов подходящую женщину — белую женщину. Быстро доставь ее сюда. Если успеешь вернуться до новой луны, я дам тебе столько серебра, сколько она будет весить. Если нет — я повешу твою голову на этой пальме.

Шубба распростерся и коснулся лбом пыли. Затем, поднявшись, он поспешил с крыши. Тутмес снова взглянул в сторону Внешнего Города. Ему показалось, что костры горят более свирепо и барабан начал издавать зловещую монотонную мелодию. Внезапно раздавшиеся яростные крики заполнили все до звезд.

— Они услышали, что Амбула мертв, — пробормотал Тутмес и его снова сотрясла сильная дрожь.

3. ЕДЕТ ТАНАНДА

Заря осветила небо над Мероэ темно-красным пламенем. Потоки насыщенного красного света пробивались через туманный воздух и отражались от крытых медью куполов и шпилей построенного из камня Внутреннего Города. Скоро население Мероэ было на ногах. Во Внешнем Городе величавые черные женщины шли на рыночную площадь с бутылями и корзинами на головах, в то время как молодые девушки болтали и смеялись по пути к колодцам. Голые дети дрались и играли в пыли или догоняли друг друга по узким улочкам. Большие черные мужчины сидели в дверях своих крытых тростником хижин, занимаясь своим промыслом, или сидели, развалившись, в тени.

На рыночной площади под полосатыми навесами сидели торговцы, показывая горшки и другие изделия, овощи и другую продукцию, разложенную на подстилках на земле. Черные люди торговались, ведя бесконечные разговоры, о бананах, банановом пиве и орнаментах из чеканки по бронзе. Кузнецы склонялись над маленькими печами, топившимися углем, с усердием выбивая из железа мотыги, ножи и наконечники копий. Раскаленное солнце палило над всем этим — над потом, весельем, злостью, наготой, силой, убожеством и энергией черного народа Куша.

Вдруг в этом мире произошла какая-то перемена, какая-то новая нота в мелодии. С цокотом копыт в направлении больших ворот во Внутренний Город ехала группа всадников. В ней было пол-дюжины мужчин и одна женщина, которая ехала впереди группы.

У нее была смуглая коричневая кожа; ее волосы, густая черная масса, были стянуты назад и перехвачены золотой повязкой. Кроме сандалий на ногах и инкрустированных драгоценными камнями золотых пластин, которые частично покрывали ее полные груди, единственной одеждой была короткая шелковая юбка, перехваченная поясом на талии. У нее были правильные черты лица, смелые сверкающие глаза, полные вызова и уверенности. Она правила стройной кушитской лошадью с легкостью и уверенностью при помощи украшенной драгоценностями уздечки и поводьев шириной в ладонь из красной кожи с золотым шитьем. Ее обутые в сандалии ступни стояли в широких серебряных стременах, а сзади через седло была переброшена газель. Пара поджарых охотничих собак бежала позади недалеко от лошади.

Когда женщина подъехала ближе, работа и разговоры прекратились. Черные лица стали угрюмыми; мрачные глаза горели красным. Черные поворачивали головы, чтобы прошептать что-то друг другу, и шепот слился в слышимое зловещее бормотание.

Юноша, который ехал в полуметре позади от женщины, забеспокоился. Он посмотрел вперед, вдоль извижающейся улицы. Оценив расстояние до бронзовых ворот, которые еще не показались за хижинами, он прошептал:

— Народ стал опасен, Ваше Высочество. Было безрассудством ехать сегодня через Внешний Город.

— Все черные собаки в Күше не помешают мне охотиться! — ответила женщина. — Если кто-нибудь будет угрожать, раздавите лошадьми.

— Проще сказать, чем сделать, — пробормотал юноша, оглядывая молчащую толпу. — Они выходят из домов и заполняют улицы — посмотрите туда!

Они въехали на широкую бурлящую площадь, где толпились черные люди. С одной стороны этой площади стоял дом из высущенной глины и пальмовых стволов, больший чем соседние, с черепами над дверью. Это был храм Джуллаха, который правящая каста презрительно называла домом дьявола. Черный люд поклонялся Джуллаху, а не Сету, змее-богу правителей и их стигийских предков.

Черные люди толпились на этой площади, угрюмо глядя на всадников. В их отношении чувствовалась угроза. Тананда, впервые почувствовав некоторое беспокойство, не заметила еще одного всадника, приближавшегося к площади по другой улице. В другое время этот всадник привлек бы внимание, потому что он не был ни коричневым, ни черным. Это был белый мужчина, мощная фигура в кольчуге и шлеме.

— Эти собаки замышляют бунт, — пробормотал юноша в сторону Тананды, наполовину обнажив свой изогнутый меч. Остальные охранники — черные, как и люди вокруг них, — подъехали ближе к ней, но не достали оружие. Низкий, угрюмый рокот становился все громче, но движения никакого не было.

— Проталкивайтесь через них, — приказала Тананда, пришпорив свою лошадь. Черные угрюмо расступились перед ней.

И тут внезапно из дома дьявола вышла долговязая черная фигура. Это был старый Эджир, колдун, одетый в одну набедренную повязку. Указав на Тананду, он крикнул:

— Вон она едет, она, руки которой забрызганы кровью! Она, убившая Амбулу!

Его крик был искрой, которая вызвала взрыв. Громкий рев поднялся над толпой. Люди двинулись вперед, выкрикивая: «Смерть Тананде!»

Через мгновение сотня черных рук начала хватать всадников за ноги. Юноша правил конем так, чтобы быть между Танандой и толпой, но брошенный камень расколол ему череп. Охранников, отбивающихся руками и мечами, стащили с лошадей, избили, затоптали и закололи насмерть. Тананда, охваченная наконец страхом, вскрикнула, когда ее лошадь встала на дыбы. Множество диких черных людей, мужчин и женщин, тянуло к ней свои руки.

Какой-то великан схватил ее за бедро и сдернул с седла, прямо в яростные руки, которые жадно ожидали ее. Юбку сорвали с ее тела и она поплыла в воздухе над ней под раскаты примитивного смеха от волнующейся толпы. Какая-то женщина плюнула ей в лицо и сорвала с нее нагрудные пластинки, расцарапав ей грудь черными от грязи ногтями. С силой брошенный камень задел ее голову.

Тананда увидела камень, зажатый в руке человека, который пытался протиснуться к ней в давке чтобы размозжить голову. Сверкали кинжалы. Только неуверенность некоторых из людей удерживала толпу от того, чтобы немедленно убить ее. Прошел рев: «К храму Джуллаха!»

В ответ тотчас раздался шум. Тананда почувствовала, что ее наполовину несут, наполовину тащат сквозь волнующуюся толпу. Черные руки хватали ее за волосы, руки и ноги. Удары, нацеленные в нее, блокировались или отводились массой.

И вдруг наступило потрясение, от которого вся толпа рассредоточилась, когда в нее на полном скаку влетел на мощном коне какой-то всадник. Люди в крике падали прямо под молотящие копыта. Тананда мельком увидела фигуру, возвышающуюся над толпой, с темным, изборожденным шрамами лицом под стальным шлемом, и большой меч, бьющий вверх и вниз, разбрызгивая красные всплески. Но откуда-то из толпы взлетело копье, выпустив кишку коню. Тот взревел и упал.

Всадник, однако, приземлился на ноги, убивая налево и направо. С дикой силой бросаемые копья соскальзывали с его шлема и щита, который он держал на левой руке, а его широкий меч тем временем кромсал плоть и кости, раскалывал головы и разбрасывал внутренности по окровавленной пыли.

Плоть и кровь не могли устоять. Расчистив пространство, незнакомец наклонился и подхватил перепуганную девушку. Прикрывая ее своим щитом, он подался назад, безжалостно пробивая путь, пока не стал спиной к углу стены. Протолкнув ее к себе за спину, он стал перед ней, отбивая

кипящую, кричащую бешеную атаку.

Тут раздался цокот копыт. Отряд охранников вырвался на площадь, гоня взбунтовавшихся перед собой. Кущиты, крича от внезапной паники, побежали спасаться в боковые улицы, оставив груду тел, которыми была устлана площадь. Командир стражников — огромный негр, блистающий красным шелком и позолоченной сбруей, подъехал и спешился.

— Ты долго ехал, — сказала Тананда, которая встала и снова приобрела свою горделивую осанку.

Командир стал серым как пепел. Он не успел пошевелиться, как Тананда дала знак людям за его спиной. Один из них, держа копье двумя руками, вонзил его между лопатками командира с такой силой, что острие высунулось из груди. Тот упал на колени и пол-дюжины других копий завершили задачу.

Тананда встряхнула своими длинными черными спутавшимися волосами и обернулась к своему спасителю. У нее шла кровь из множества царапин и она была голой как новорожденный ребенок, но смотрела на этого мужчину без смятения и неуверенности. Он ответил на ее взгляд и его выражение выдало его искреннее восхищение ее невозмутимостью и зрелостью ее коричневых конечностей и имеющим чувственные формы торсом.

— Кто ты? — спросила она.

— Я Конан, киммериец, — промычал он.

— Киммериец? — Она никогда не слышала о его далекой стране, которая лежала за сотни лиг на север. Она помрачнела. — Ты носишь стигийскую кольчугу и шлем. Ты стигиец в каком-то роде?

Он покачал головой, обнажив в улыбке белые зубы.

— У меня оружие от стигийца, но сначала мне пришлось убить этого дурака.

— В таком случае, что ты делаешь в Мероэ?

— Я странник, — сказал он просто, — и сдаю в наем свой меч. Я пришел сюда попытать счастья.

Он подумал, что не стоит рассказывать ей о его предыдущей карьере корсара на Черном Берегу или о своем предводительстве в одном из племен в южных джунглях.

Глаза королевы с уважением окинули гигантскую фигуру Конана, измеряя ширину его плеч и размеры грудной клетки.

— Я найду твой меч, — сказала она наконец. — Какова твоя цена?

— А какую цену предложите Вы? — ответил он вопросом на вопрос, печально взглянув на труп своего коня. — Я — странник без гроша и

теперь, увы, пеший.

Она затрясла головой.

— Нет, клянусь Сетом! Ты теперь не без гроша, ты — командир королевской стражи. За сто золотых в месяц можно купить твою преданность?

Он взглянул краем глаза на распростертую фигуру прежнего командира, лежавшего в шелке, стали и крови. Зрелище это не омрачило живости его внезапной усмешки.

— Я думаю, да, — сказал Конан.

4. ЗОЛОТАЯ РАБЫНЯ

Дни шли за днями, луна убыла и прибыла снова. Короткое неорганизованное восстание нижних каст было подавлено железной рукой Конана. Шубба, слуга Тутмеса, вернулся в Мероэ. Придя к Тутмесу в его комнату, где на мраморном полу были разостланы ковром львиные шкуры, он сказал:

— Я нашел женщину, которую Вы желали, хозяин — немедийскую девушку, схваченную на торговом корабле из Аргоса. Я заплатил за нее шемитскому работорговцу много больших кусков золота.

— Дай мне взглянуть на нее, — приказал Тутмес.

Шубба вышел из комнаты и через секунду вернулся, держа за запястье девушку. Она была стройной и ее белое тело поражало по контрасту с коричневыми и черными телами, к которым привык Тутмес. Ее волосы спадали кудрявым волнистым золотым потоком на ее белые плечи. На ней была только оборванная сорочка. Эту сорочку Шубба убрал, оставив скавшуюся девушку в полной наготе.

Не обращаясь ни к кому, Тутмес кивнул головой.

— Это хорошая покупка. Если бы я не был занят играми за трон, у меня было бы искушение оставить ее себе. Научил ты ее кушитскому, как я приказал?

— Да, в городе стигийцев и потом каждый день, пока мы шли с караваном, я ее учил. По шемитскому принципу я с помощью туфля внушил ей необходимость учить. Ее имя Диана.

Тутмес уселся на кровать и показал девушке, чтобы она села скрестив ноги на полу у его ног. Она сделала это.

— Я собираюсь отдать тебя королеве Куща в качестве подарка, — сказал он. — Формально ты будешь ее рабыней, но на самом деле ты по-прежнему будешь принадлежать мне. Ты будешь регулярно получать мои приказы и ты всегда будешь их выполнять. Королева жестока и вспыльчива, поэтому избегай досаждать ей. Ты ничего не скажешь, даже под пытками, о том, что ты продолжаешь поддерживать связь со мной. Чтобы у тебя не возникло искушения послушаться меня, когда ты будешь вне моей досягаемости в королевском дворце, я продемонстрирую тебе свою власть.

Взяв ее за руку, он повел ее по коридору, затем вниз на один пролет каменной лестницы в длинную, слабо освещенную комнату. Эта комната была разделена на равные половины хрустальной стеной, чистой как вода,

несмотря на метровую толщину и прочность, достаточную чтобы выдержать удар самца слона. Тутмес подвел Диану к этой стене и поставил лицом к ней, отступив назад. Внезапно свет померк.

Пока она стояла в темноте с дрожащими от необъяснимой паники стройными ногами, в черноте начал разгораться свет. Она увидела как из черноты появляется уродливая отвратительная голова. Она увидела хищное рыло, зубы как резцы и щетину. Когда это страшилище двинулось в ее сторону, она вскрикнула и отвернулась, забыв в своем диком страхе о хрустальной стене, которая отделяла от нее зверя. В темноте она упала прямо в руки Тутмеса. Она услышала, как он прошипел:

— Ты была и будешь моей рабыней. Не подводи меня, иначе он найдет тебя, где бы ты ни была. Тебе не удастся от него спрятаться.

Когда он еще что-то прошептал ей на ухо, она потеряла сознание.

Тутмес отнес ее наверх и передал ее в руки черной женщины, приказав привести ее в чувство, присмотреть, чтобы ей дали еды и вина, выкупать, причесать, надушить и украсить для завтрашнего представления королеве.

5. ИЗБИЕНИЕ ТАНАНДЫ

На следующий день Шубба привел Диану из Немедии к повозке Тутмеса, поднял ее в повозку и взялся за поводья. Это была уже другая Диана, оттертая и надушенная, и красота ее была усиlena осторожным касанием косметики. На ней была одежда из такого тонкого шелка, что сквозь него был виден каждый изгиб. Диадема из серебра сверкала на ее золотых волосах.

Она, однако, все еще была напугана. Жизнь стала кошмаром с того самого момента, когда работорговцы похитили ее. Она пыталась за последующие долгие месяцы успокоить себя мыслью что ничто не вечно и что все обстоит так плохо, что должно наступить улучшение. Но наоборот, все становилось хуже.

Теперь ее вот-вот должны были предложить как подарок жестокой и раздражительной королеве. Если она выживет, она будет меж двух огней — опасностью чудовища, которое показывал Тутмес, с одной стороны, и подозрениями королевы — с другой. Если она не будет шпионить для Тутмеса, она достанется демону; если будет — королева может поймать ее и довести до смерти каким-нибудь еще более ужасным способом.

Небо над головой было стальным. На западе слой за слоем громоздились тучи; наступал конец сухого времени года в Күше.

Повозка прогромыхала к главной площади перед королевским дворцом. Колеса тихо хрустели по нанесенному песку, время от времени громко грохоча, когда встречали полосу чистого булыжника. На улице было лишь несколько мерувиц из высшей касты, потому что полуденная жара достигла своего пика. Большая часть правящего класса дремала в своих домах. Несколько их черных слуг угрюмо брели по улицам, поворачивая сверкающие от пота пустые лица к повозке, когда она проезжала мимо них.

Во дворце Шубба на руках спустил Диану с повозки и провел ее через бронзовые позолоченные ворота. Толстый мажордом провел их по коридорам в большую комнату, украшенную с богатством, достойным комнаты стигийской принцессы, чем она и была в некотором смысле. На кровати из черного дерева и слоновой кости, инкрустированной золотом и жемчугом, сидела Тананда, одетая лишь в короткую юбку из красного шелка.

Глаза королевы нагло изучали стоявшую перед ней дрожащую белокурую рабыню. Эта девушка безусловно была прекрасным предметом

человеческой собственности. Но сердце Тананды, само погрязшее в измене, было скорым на подозрение измены в других. Королева заговорила внезапно, голосом, в котором была едва прикрыта угроза:

— Говори, девка! Зачем Тутмес послал тебя во дворец?

— Я... Я не знаю — где я? — Кто Вы? — Диана говорила тонким, высоким голосом, как ребенок.

— Я королева Тананда, дура! Теперь отвечай на мой вопрос.

— Я не знаю ответа, моя госпожа. Я знаю только, что господин Тутмес послал меня как подарок...

— Ты лжешь! Тутмес снедает честолюбием. Поскольку он ненавидит меня, он не сделал бы мне подарок без скрытой причины. У него должно быть что-то на уме. Говори или хуже будет!

— Я... Я не знаю! Я не знаю! — запричитала Диана, разразившись слезами. Напуганная чуть ли не до безумия демоном Муру, она бы не заговорила даже если бы пожелала. Ее язык отказывался подчиняться мозгу.

— Разденьте ее! — приказала Тананда.

Тонкую одежду сорвали с тела Дианы.

— Привяжите ее! — сказала Тананда.

Диане связали запястья, веревку перебросили через балку у потолка и тую натянули конец так, что руки девушки вытянулись прямо у нее над головой.

Тананда встала, держа в руке кнут.

— Сейчас, — сказала она с жестокой усмешкой, — мы посмотрим что ты знаешь о планах нашего дорогого друга Тутмеса. Еще раз: будешь говорить?

Поскольку голос Дианы душили рыдания, она могла только покачать головой. Кнут просвистел и затрещал на коже немедийской девушки, оставив красный след по диагонали через спину. Диана издала пронзительный вопль.

— Что все это значит? — прозвучал низкий голос.

Конан, в кольчуге поверх джуббы, с мечом на поясе, стоял в дверях. Став близким с Танандой, он привык входить в ее дворец без объявления. У Тананды были любовники и раньше — убитый Амбула в том числе — но ни в чьих других объятиях она не находила такого экстаза и никакую другую связь она не выставляла напоказ так бесстыдно. Она никак не могла насытиться северным гигантом.

Сейчас, однако, она обернулась.

— Всего лишь северная сучка, которую Тутмес прислал мне как

подарок — несомненно, чтобы сунуть мне кинжал под ребра или яд в вино, — выпалила она. — Я пытаюсь узнать от нее правду. Если тебе хочется заняться со мной любовью, приходи попозже.

— Это не единственная причина, по которой я пришел, — ответил он, хищно улыбаясь. — Есть еще маленькое государственное дельце. Что это за глупость — впустить черных во Внутренний Город наблюдать за сожжением Аахмеса?

— Какая глупость, Конан? Это покажет этим черным собакам, что со мной шутки плохи. Негодяя будут пытать так, что это запомнится на долгие годы. Так погибают все враги нашей божественной династии! Ты что-то имеешь против, — пожалуйста!

— Только одно: если ты впустишь во Внутренний Город тысячи кущитов и потом возбудишь их кровожадность зреющим пыткам, то немного времени понадобится, чтобы разразилось новое восстание. Ваша божественная династия не дала им много поводов для любви.

— Я не боюсь этих черных мерзавцев!

— Может быть. Но я дважды спасал от них твою прелестную шейку, а на третий раз удача мне может изменить. Я попытался сказать это твоему министру Афари только что в его дворце, но он сказал, что это твой приказ и он ничего не может сделать. Я думаю, тебе стоило бы прислушаться к моему разумному совету, поскольку твои люди слишком боятся тебя чтобы сказать что-нибудь, что могло бы тебе не понравиться.

— Я не сделаю ничего подобного. А теперь убирайся отсюда и не мешай мне работать, если не хочешь сам взяться за кнут.

Конан подошел к Диане.

— У Тутмеса есть вкус, — сказал он. — Но у девчонки страх затмил мозги. Ни один рассказ, который ты из нее вытащишь, не стоит внимания. Дай ее мне и я покажу, что может сделать немного доброты.

— Тебе, милый? Ха! Занимайся своими делами, Конан, а я буду заниматься своими. Тебе следует расставить по постам стражников к сегодняшнему соборищу. — Тананда резко обратилась к Диане: — А теперь говори, шлюха, будь ты проклята!

Кнут просвистел, когда она занесла руку назад, приготовившись нанести новый удар.

Двигаясь с не требующей усилий скоростью льва, Конан схватил Тананду за запястье и вывернул кнут из ее руки.

— Отпусти меня! — закричала она. — Как ты смеешь применять ко мне силу? Да я тебя... Я... я...

— Ты меня что? — сказал Конан спокойно. Он бросил кнут в угол,

вытащил свой кинжал и перерезал веревку, которой были связаны руки Дианы. Слуги Тананды обменялись неловкими взглядами.

— Подумайте о своем королевском достоинстве, Ваше Высочество! — усмехнулся Конан, беря Диану на руки. — Не забывайте, что пока я стою во главе стражи у Вас, по крайней мере, есть один шанс. А без меня... ладно, Вы сами знаете ответ. Увидимся во время казни.

Он пошел к двери, неся немедийскую девушку. Вскрикнув от ярости, Тананда подняла отброшенный кнут и швырнула его вслед за Конаном. Кнутовище ударилось о его широкую спину и кнут упал на пол.

— Только потому что у нее такая же как у тебя кожа, похожая на рыбье пузо, ты предпочитаешь ее мне! — прокричала Тананда. Ты еще пожалеешь о своей дерзости!

С грохочущим смехом Конан вышел из комнаты. Тананда опустилась на пол, колотя по мрамору кулаками и плача от досады.

Через некоторое время Шубба, который правил повозкой Тутмеса, направляясь к дому своего хозяина, проезжал мимо жилища Конана. Он был удивлен, увидев как Конан с обнаженной девушкой на руках входит через переднюю дверь. Шубба тряхнул поводьями и поспешил своей дорогой.

6. ТЕМНОЕ СОВЕЩАНИЕ

От наступающих сумерек зажгли первые лампы, когда Тутмес сел в своей комнате вместе с Шуббой и Муру, высоким кордофским колдуном. Шубба, беспокойно поглядывая на своего хозяина, закончил свой рассказ.

— Я вижу, что недооценивал в полной мере подозрительность Тананды, — сказал Тутмес. — Жалко терять такой многообещающий инструмент как эта немедийская девушка, но не все стрелы попадают в цель. Вопрос, однако, вот в чем: что нам делать дальше? Кто-нибудь видел Эджира?

— Нет, мой господин, — сказал Шубба. — Он исчез после того как затеял этот бунт против Тананды, довольно благоразумно, я бы сказал. Некоторые говорят, что он покинул Мероэ; некоторые говорят, что он скрывается в храме Джуллаха, занимаясь ворожбой день и ночь.

— Если бы наша божественная королева обладала мудростью червя, — усмехнулся Тутмес, — она бы захватила этот дом дьявола с помощью нескольких крепких стражников и повесила жрецов под потолком их собственного дома. — Два его слушателя вздрогнули и в замешательстве скосили глаза. — Я знаю, вы все запуганы их заклинаниями и привидениями. Ладно, давайте подумаем. Девушка для нас теперь бесполезна. Если Тананде не удалось выжить из нее секреты, то Конан сделает это более нежными методами, а в его доме она в любом случае не узнает ничего из того, что нас интересует. Она должна немедленно умереть. Муру, ты можешь послать своего демона в дом Конана пока он командует своими стражниками сегодня вечером, чтобы прикончить эту девку?

— Это я могу, хозяин, — ответил кордофец. — Не стоит ли мне приказать ему оставаться там до возвращения Конана и убить его тоже? Потому что я вижу, что Вы никогда не станете королем, пока жив Конан. Пока он занимает свой нынешний пост, он будет сражаться как дьявол чтобы защитить королеву, свою любовницу, потому что он обещал это делать, независимо от того что они временами ссорятся.

Шубба добавил:

— Даже если мы избавимся от Тананды, Конан все равно будет стоять у нас на пути. Он мог бы сам стать королем. Да он сейчас и так практически некоронованный король Куша — наперсник и любовник королевы. Его стражники любят его и клянутся, что несмотря на его белую кожу он на самом деле такой же как они черный человек внутри.

— Хорошо, — сказал Тутмес. — Давайте отделяемся от обоих одновременно. Я буду наблюдать за казнью Аахмеса на главной площади, так что никто не сможет сказать, что я приложил руку к этому убийству.

— Почему бы не послать демона и к Тананде тоже? — спросил Шубба.

— Время еще не пришло. Сначала я должен заручиться поддержкой других представителей знати, а это нелегко будет сделать. Кроме того, слишком многие из них воображают себя королями Куша. Пока моя фракция не станет сильнее, я так же непрочно буду сидеть на троне как Тананда сейчас. Поэтому я довольствуюсь выжиданием, позволяя ей, однако, повеситься от собственных перегибов.»

7. СУДЬБА КОРОЛЕВСТВА

На главной площади Внутреннего Города к столбу, установленному в центре, привязали Принца Аахмеса. Аахмес был полным молодым человеком с коричневой кожей, чья полная невинность в политических делах, казалось, и позволила Афари поймать его в ловушку с помощью ложного обвинения.

Костры в углах площади и линии факелов освещали адскую сцену. Между столбом и королевским дворцом стоял низкий помост, на котором сидела Тананда. Вокруг помоста в три ряда были выстроены королевские стражники. Костры освещали красным светом длинные острия их копий, щиты из слоновьей кожи и перья головных уборов.

С одной стороны площади на своей лошади сидел Конан, возглавляя отряд конных стражников с поднятыми вверх пиками. Вдалеке сквозь нагромождение туч пробивалась молния.

В центре, где был привязан господин Аахмес, большее количество стражников поддерживало свободное пространство. Здесь королевский палач разогревал свои профессиональные инструменты над небольшой жаровней. Остальная часть площади была забита большей частью населения Мероэ, смешавшейся в одну большую однородную толпу. Факелы высвечивали светлые белки глаз и зубы на фоне темной кожи. Тутмес и его слуги образовали плотную группу в первом ряду.

Конан осматривал толпу, полный темных предчувствий. Пока все шло организованно, но кто знает, что может случиться, когда всколыхнутся примитивные страсти? Необъяснимая тревога сидела занозой в глубине его мозга. Время шло и эта тревога окрепла, не относительно свою равной королевы, но относительно немедийской девушки, которую он оставил в доме. Он оставил ее с единственной служанкой, черной женщиной, потому что все стражники были нужны ему для присмотра за собирающим на этой площади.

За несколько часов, в течение которых он знал Диану, Конану она очень понравилась. Милая, нежная и, возможно, даже девственная, она во всем контрастировала с вспыльчивой, бурной, страстной, жестокой, чувственной Танандой. Быть любовником Тананды было, конечно, волнительно, но со временем Конан начал думать, что он предпочел бы кого-то более бурного для перемены. Зная Тананду, он не исключал с ее стороны того, что она пошлет кого-нибудь из своих слуг чтобы убить

Диану, пока Конан занят чем-то другим.

В центре площади палач раздувал свою маленькую угольную жаровню. Он поднял инструмент, который светился ярко-вишневым светом в темноте. Он приблизился к заключенному. Конану не было слышно сквозь ропот толпы, но он знал, что палач спрашивает Аахмеса о подробностях заговора. Пленник отрицательно качал головой.

Как будто какой-то голос звучал в голове Конана, требуя от его немедленного возвращения домой. В гиборейских краях Конан слышал рассказы жрецов и философов. Они спорили о существовании духовхранителей и о возможности прямого общения одного мозга с другим. Будучи убежденным, что все эти люди сумасшедшие, он не уделил этому много внимания в то время. Теперь, однако, он подумал, что знает о чем они говорили. Он попытался отделаться от этого чувства как от простой выдумки, но оно вернулось, более сильное чем прежде.

Наконец Конан сказал своему адъютанту:

— Монго, возьми командование на себя пока я не вернусь.

— Куда Вы, господин Конан? — спросил черный.

— Проедусь по улицам, проверю не собралась ли где банда разбойников под покровом темноты. Держи все под контролем; я скоро вернусь.

Конан развернул своего коня и выехал с площади. Толпа расступилась, чтобы дать ему проехать. Чувство в его голове стало еще сильнее. Он пустил коня легким галопом и вот уже натянул поводья у входа в свое жилище. Прозвучал негромкий раскат грома.

В доме было темно, за исключением одного огонька с задней стороны. Конан спешился, привязал коня и вошел в дом, держа руку на рукоятке меча. В то же мгновение он услышал испуганный крик, в котором он узнал голос Дианы.

Со страшными проклятиями Конан ринулся в дом, выдергивая на ходу меч. Крик доносился из жилой комнаты, в которой было темно, если не считать случайных лучей одинокой свечи, которая горела на кухне.

В дверях жилой комнаты Конан остановился, прикованный к месту открывшейся ему сценой. Диана съежилась на низком диванчике, устланном шкурами леопардов и ее белые конечности были открыты сбившейся в беспорядке шелковой одеждой. Ее голубые глаза округлились от ужаса.

Висящий в центре комнаты серыми кольцами туман сгущался и обретал форму. Этот бурлящий туман уже отчасти воплотился в массивную чудовищную фигуру с покатыми волосатыми плечами и толстыми

животными конечностями. Конан заметил уродливую голову создания с покрытым щетиной, похожим на свиное, рылом и с усеянными клыками, чавкающими челюстями.

Чудовище затвердевало в прозрачном воздухе, материализуясь под действием какой-то демонической магии. Первобытные легенды всплыли в мозгу Конана — рассказываемые шепотом истории об ужасных волочащих ноги созданиях, которые крались в темноте и убивали с нечеловеческой яростью. На пол-удара сердца его атавистические страхи заставили его колебаться. Потом, взревев от ярости, он прыгнул вперед, чтобы дать бой — и перелетел через тело черной женщины, которая потеряла сознание и лежала сразу за дверью. Конан упал, распластавшись, и меч вылетел из его руки.

В ту же секунду чудовище со сверхъестественной быстротой обернулось и пустилось за Конаном гигантскими прыжками. Поскольку Конан лежал на полу, демон пронесся над его телом и ударился о стену, отделявшую комнату от зала.

Через мгновение сражающиеся были снова на ногах. Когда чудовище снова прыгнуло на Конана, вспышка молнии через окно осветила его огромные клыки-резцы. Киммериец уткнулся левым локтем ему под челюсть, пока сам ощупью искал правой рукой свой кинжал.

Волосатые лапы чудовища обхватили тело Конана с раздавливающей силой; спина человека поменьше была бы переломлена. Конан услышал как трещит его одежда под впившимися тупыми когтями и пара колец его кольчуги лопнула с резким металлическим звуком. Хотя вес чудовища был примерно такой же, как вес киммерийца, сила его была невероятной. Конан напряг все свои мускулы, но чувствовал, что левое предплечье понемногу отводится назад так, что вытянутые челюсти все больше приближались к его лицу.

В полумраке эти двое топтались и метались из стороны в сторону как партнеры в каком-то гротескном танце. Конан нащупывал свой кинжал, а демон все ближе подводил свои клыки. Конан сообразил, что его пояс, должно быть, съехал и поэтому до кинжала не дотянуться. Он почувствовал, что даже его титанические силы убывают, как вдруг что-то холодное втолкнулось в его ищущую правую руку. Это была рукоятка меча, который подобрала Диана и теперь сунула ему.

Конан отвел назад правую руку, пока не почувствовал, что кончик меча уткнулся в тело его противника. И тогда он воткнул меч. Кожа чудовища,казалось, была неестественной прочности, но могучий толчок вогнал лезвие по назначению. Чавкая в спазмах своими челюстями, создание

издало животный рев.

Конан колол снова и снова, но волосатое животное, казалось, даже не чувствует укусов стали. Демонические руки стянулись вокруг Конана в еще более тесном, ломающем кости объятии. Челюсти с зубами как резцы все больше приближались к его лицу. Еще большее количество звеньев его кольчуги разъединилось с музыкальным звоном. Грубые лапы рвали его рубаху и прорвали кровавые борозды на его покрытой потом спине. Липкая жидкость из ран чудовища, которая не была похожа ни на какую нормальную кровь, сбегала впереди по одежде Конана.

Наконец, соединив ноги и упервшись ими в живот чудовища со всей оставшейся в нем силой, Конан вырвался. Пошатываясь, он встал на ноги и кровь капала с него. Когда демон опять затопал в его сторону, размахивая своими обезьяними лапами, готовясь опять обхватить его, Конан, взявшись за рукоятку меча обеими руками, отчаянной дугой размахнулся мечом. Клинок вонзился в шею чудовища и наполовину рассек ее. Могучий удар обезглавил бы двух или трех противников-людей сразу, но ткани демона были прочнее чем у простых смертных.

Демон, шатаясь, завалился назад и упал на пол. Когда Конан стоял, тяжело дыша, с клинком, с которого капало, Диана обхватила руками его шею.

— Я так рада... я молилась, чтобы Иштар послала тебя...

— Ну, ну, — сказал Конан, успокаивая девушку грубыми ласками. — Я может и выгляжу готовым к могиле, но я все еще могу...

Он прервался, широко раскрыв глаза. Мертвое чудовище поднялось и его уродливая голова закачалась на наполовину перерубленной шее. Оно шаткой походкой направилось к двери, споткнулось о тело все еще лежавшей в обмороке служанки-негритянки и побрело в ночь.

— Кром и Митра! — выдохнул Конан. Оттолкнув девушку в сторону, он проворчал: — Потом, потом! Ты хорошая девушка, но я должен проследить за этой тварью. Это тот самый демон ночи, о котором ходят разговоры, и, клянусь Кромом, я узнаю откуда он приходит!

Он пошатываясь вышел и обнаружил, что его конь исчез. Длина поводьев, идущих к привязному кольцу, говорила о том, что животное порвало привязь в панике при появлении демона.

Через некоторое время Конан снова очутился на площади. Когда он пробивал себе путь сквозь толпу, которая уже ревела от волнения, он увидел, что чудовище зашаталось и упало перед высоким кордофским колдуном из свиты Тутмеса. В своей агонии оно положило голову у ног чародея.

Крики гнева раздались из толпы, которая узнала в этом чудовище демона, который на протяжении многих лет наводил ужас на Мероэ время от времени. Хотя стража по-прежнему пыталась силой удержать свободное пространство вокруг столба пыток, с боков и сзади тянулись руки чтобы повалить Муру. В поднявшемся реве замешательства Конан услышал обрывки фраз: «Убейте его! Он хозяин демона! Убейте его!»

Внезапно наступила тишина. На открытом пространстве вдруг появился Эджир; его бритая голова была раскрашена в виде черепа. Как будто он каким-то образом перепрыгнул через головы толпы, чтобы приземлиться на свободном пространстве.

— Почему же убивать инструмент, а не человека, который держит его в руках? — крикнул он. Он показал на Тутмеса. — Вот стоит тот, кому служил кордофец! По его приказу демон убил Амбулу! Мои духи сказали мне в тишине храма Джуллаха! Убейте его тоже!

Когда еще большее количество рук стащило на землю кричащего Тутмеса, Эджир показал на помост, где сидела королева.

— Убейте всех господ! Сбросьте ваши оковы! Убейте хозяев! Будьте снова свободными людьми, а не рабами! Убейте, убейте, убейте!

Конан едва устоял на ногах, когда толпа начала метаться из стороны в сторону, распевая: «Убейте, убейте, убейте!» То в одном, то в другом месте кричащего господина валили на землю и разрывали на куски.

Конан пробивался к своим конным стражникам, с помощью которых он все еще надеялся очистить площадь. Но потом поверх голов он увидел то, что изменило его планы. Один из королевских стражников, который стоял спиной к помосту, повернулся и метнул копье прямо в королеву, которую он должен был защищать. Копье прошло сквозь ее восхитительное тело как сквозь масло. Когда она осела на своем месте, еще для дюжины копий она стала мишенью. С падением их правительницы конные стражники присоединились к остальным своим соплеменникам в уничтожении правящей касты.

Через некоторое время Конан, избитый и взъерошенный, но с новой лошадью, появился у своего жилища. Он привязал животное, ринулся внутрь и принес из тайника мешок с монетами.

— Пошли! — рявкнул он Диане. — Захвати буханку хлеба! В каком холодном нифлхеймском аду мой щит? А, вот он!

— Ты разве не хочешь забрать все эти прелестные вещи...

— Нет времени; с коричневыми покончено. Поедешь, сидя у меня за спиной и будешь держаться за мой пояс. Ну, залезай же!

С двумя седоками лошадь тяжелым галопом проскакала по

Внутреннему Городу сквозь толпу грабителей и мятежников, преследователей и преследуемых. Какой-то человек, который попытался схватить их лошадь за уздечку, был сбит с ног и растоптан лошадью с криком и хрустом костей; другие люди безумно шарагались в сторону, освобождая дорогу. Они выехали за большие бронзовые ворота, а за спиной у них дома знати вспыхивали желтыми пирамидами пламени. Над головой блеснула молния, загрохотал гром и дождь хлынул водопадом.

Через час дождь перешел в изморось. Лошадь шла медленным шагом, выбирая дорогу в темноте.

— Мы все еще на стигийской дороге, — проворчал Конан, пытаясь пронзить взглядом темноту. — Когда дождь кончится, мы сделаем остановку, чтобы просохнуть и немного поспать.

— Куда мы едем? — сказала Диана высоким нежным голосом.

— Я не знаю; но я устал от черных стран. С этими людьми ничего нельзя делать; они такие же ограниченные и тупоголовые как варвары моей северной страны — киммерийцы, как Эзир и Ванир. Я хочу еще раз попытать счастья в цивилизации.

— А что будет со мной?

— А что ты хочешь? Я могу отправить тебя домой или оставить со мной, что тебе больше понравится.

— Мне кажется, — сказала она тихо, — что если бы не сырость и все прочее, мне нравится все как оно есть.

Конан молча усмехнулся в темноте и пустил лошадь рысцой.